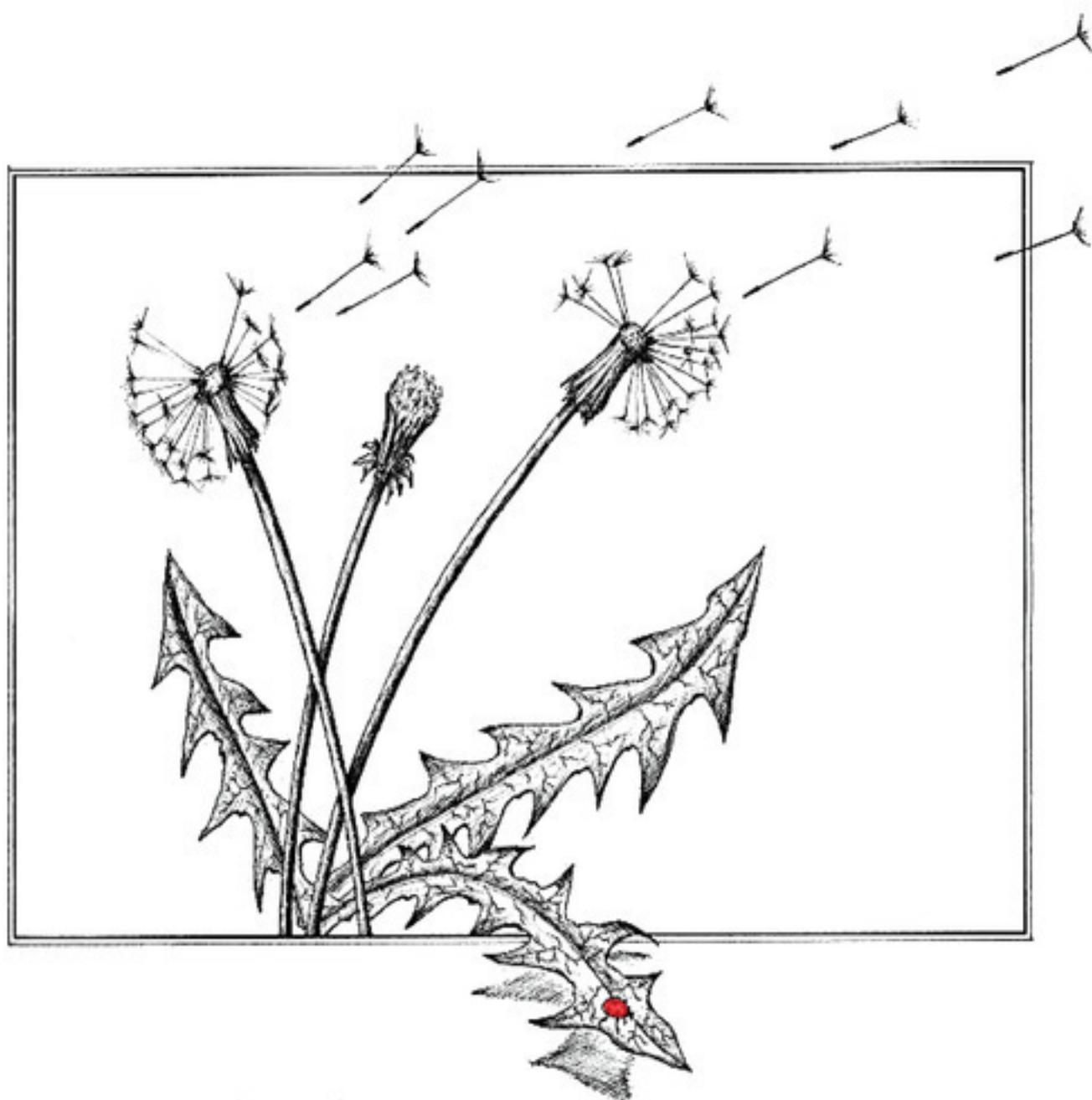

Елена Доброва

СИМОНА И ГРЕТА

Елена Доброва
Симона и Грета

«Пробел-2000»

2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-4

Доброва Е. А.

Симона и Грета / Е. А. Доброва — «Пробел-2000», 2016

ISBN 978-5-98604-558-0

Три женщины – три трудных характера. У каждой своя версия правды, свое белое и свое черное. Единственное общее для всех троих – это то, о чем они не хотят вспоминать. История основана на реальных событиях.

УДК 821.161.1-32
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-98604-558-0

© Доброва Е. А., 2016
© Пробел-2000, 2016

Содержание

1	6
2	8
3	13
4	15
5	17
6	18
7	21
8	22
9	24
10	25
11	26
12	28
13	29
14	30
15	31
16	32
17	35
18	39
19	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Елена Александровна Доброва Симона и Грета

© Доброва Е.А., текст, 2016
© Димитрюк Г., рисунок, 2016
© Суслина А. Л., оформление

* * *

1

- С кем ты живешь?
- С мамой и тетей.
- А отец там, бабушки, дедушки?
- Дедушка умер, когда меня еще на свете не было. Бабушка – пять лет назад. А отца своего я никогда не видела.
- Что, разошлись?
- Да нет. Я так думаю, что мама не была замужем. У них был роман, и я родилась. А он остался в своей семье.
- Ты так спокойно об этом говоришь?
- А что делать? Я знаю, решила, что лучше я буду об этом прямо говорить, чем стесняться. Чего стесняться-то? Я ни в чем не виновата, мама тоже. Она хотела ребенка от любимого человека. Ей уже было сорок. Он не мог уйти от семьи. И мама решила, что все равно меня родит. Ты, кстати, почему спрашиваешь?
- Просто так. Интересно.
- То есть тебе просто интересно? Любопытно, да?
- Ну, просто обычный вопрос.
- А ты вот не подумал, что этот вопрос может быть бестактным? Думаешь, мне приятно первому встречному все рассказывать про свою семью?
- Я же не первый встречный.
- Я так и знала, что ты так скажешь. А кто ж ты? Второй встречный? И все равно – зачем тебе это нужно? Какая тебе разница с кем я живу?
- Да я просто спросил. Мне без разницы. Я думал, ты скажешь – мать, отец, бабушка, брат...
- Да не думал ты. Если б думал, то тебе бы пришло в голову, что не у всех есть отцы, братья и прочее, и может, кому-то неприятно об этом говорить.
- Но ты же спокойно рассказала...
- Да. Потому что меня уже спрашивали такие, как ты, и мне уже было неприятно. Как будто больше не о чем спрашивать. И я решила говорить, как есть – прямо, мне так легче. И вопросы сразу отпадают. И потом, все равно все знают. Или узнают. Но я действительно считаю, что здесь ничего стыдного – неполная семья, нет отца, что за невидаль. Но вопрос-то все равно бестактный, потому что в принципе кому-то может быть неприятно. А тебе было бы приятно, если б тебя кто-то начал спрашивать что да почему, да где отец. Разошлись, умер или бросил?
- Вообще, наверно было бы неприятно.
- Правильно. А почему?
- Ну, не люблю, когда лезут.
- Вот именно. Теперь понял?
- Понял, понял. А то я думаю, чего ты вдруг разозлилась? Сначала все спокойно сказала, а потом разозлилась.
- Да. Разозлилась. Мне просто стало досадно, что ты сам не додумался.
- Ладно, не злись.
- Не злюсь. У меня характер хороший.
- У меня тоже неплохой.
- А что ты должен теперь сделать?
- Поцеловать тебя?

– Сдурел?! При чем тут поцеловать? Ты должен мне о себе что-нибудь рассказать в ответ на мою откровенность.

– А-а. Ну что рассказывать? Все обычно – мать отец. Я, кот. Дед с бабушкой, два комплекта.

– Понятно.

– Видишь, ничего интересного.

– Ну, все-таки что-то. А кот какой? Серый?

– Можно сказать, серый.

– Смешно! Что значит «можно сказать»? А на самом деле?

– На самом деле серый. С белым.

– Васька? Барсик? Тимофей? Мурзик?

– Стасик.

– Шутишь?

– Да нет, правда. Стасик. А чем плохо?

– Чудно! И он откликается?

– Конечно. Он знает, что он Стасик.

– Ну, ладно, Никит. Спасибо, что проводил. Увидимся.

– Ты когда бываешь в институте?

– Да каждый день практически.

– Я тоже.

– Ну вот. Я ж говорю – увидимся. Может, когда-нибудь прогуляем вместе какой-нибудь семинар. Тебе далеко отсюда?

– Да нет. Мне отсюда пешком минут семь.

– Надо же! Соседи! Ну, все тогда. Пока.

– Пока.

– Эй!

– Чего?

– Привет Стасику!

– Ладно, передам.

– Пока.

– Пока.

2

Почтальоны уже привыкли, а случайные прохожие недоверчиво удивлялись, попадая в кривоватый, с просевшими асфальтовыми заплатами, протяженностью не более полкилометра Ларчиков переулок: нечетная сторона здесь начиналась номером пятым, затем шел дом номер девять, затем пятнадцать и пятнадцать «в» дробь один. На четной стороне была похожая картина – дом номер шесть, шесть «а», двенадцать и восемнадцать. Этим постройкам повезло – их не успели снести, и теперь, запоздало зачисленные в памятники архитектуры, они с благородной укоризной ветшали в ожидании реставрации.

Больше всех повезло трехэтажному дому под номером шесть «а». Его вполне можно было бы отнести к концу девятнадцатого века, если бы не было достоверно известно, что он построен в первой четверти двадцатого. Поэтому он *пока еще* не был включен ни в какие списки на капитальный ремонт. Зато в начале девяностых годов некий преуспевающий художник приобрел себе в собственность весь третий этаж и нежилой первый, где оборудовал себе студию. Таким образом, жители второго этажа получили прекрасного соседа, который за свои деньги произвел капитальный ремонт всего здания, а кроме того, украсил подъезд и лестничные клетки своими произведениями. Самое главное, что жильцы перестали волноваться, что их переселят, и в графе «адрес» вместо Ларчикового переулочка будет что-то вроде улица Даши-Люси-Вали Николаевой.

Квартира под номером три раньше принадлежала профессору-офтальмологу. В эту квартиру он и его жена впоследствии прописали свою дочь с семьей: мужем и дочками Симоной и Гретой.

Огромная квартира начиналась с раздольной прихожей, переходившей в длинный коридор, упирившийся в дверь, за которой находились туалет, ванная и маленькая кладовочка. По этому коридору Симона и Грета в детстве любили бегать наперегонки.

Первой всегда финишировала Симона. Зато Грета, не добегая до конца, тут же поворачивала в обратную сторону, и получалось, что теперь она обгоняла сестру. Симона злилась и доказывала, что это нечестно.

По правой стороне коридора находилась огромная комната площадью около пятидесяти квадратных метров с тремя окнами, выходящими во двор. Наверно, изначально это был зал для приемов и праздников. Эта комната имела два входа – один ближе к прихожей, а второй – ближе к кухне. Третью эту комнату, дед-офтальмолог превратил в кабинет-библиотеку, а большая часть была отдана внукам. После смерти деда кабинетом стал пользоваться отец Симоны и Греты, который переместил туда свой массивный стол-бюро, а дедов письменный стол передвинулся к окну. Никаких других изменений библиотека с тех пор не претерпела, и только иногда служила комнатой для гостей – когда в Москву приезжал кто-то из Риги, откуда был родом дед-офтальмолог. В комнате сестер сейчас жила Галя, дочка Симоны.

Повернув направо в конце коридора, вы попадали на кухню, при которой имелся чулан, а он в свою очередь вел в шестиметровую комнатку с маленьким окном во двор и крохотным санузлом. Эта комнатка имела выход на черную лестницу, и когда-то она предназначалась для прислуги.

Массивная двустворчатая дверь в середине левой стены коридора вела в овальную гостиную, которая называлась так благодаря эркерному окну, выходившему на Ларчиков переулок. По обе стороны гостиной симметрично располагались две большие прямоугольные комнаты, окна которых также выходили на Ларчиков переулок. Одна из комнат в свое время принадлежала деду и бабушке, другая – их дочери и зятю. Теперь – их разделили между собой Симона и Грета. Гостиная была проходной – попасть в коридор из комнат можно было только через гостиную.

Если бы кто-то захотел, как Шерлок Холмс, по характеру обстановки составить представление о нынешних обитателях квартиры, то это оказалось бы задачей с подвохом. Смена поколений не слишком явно отразилась на интерьере, словно это была не обычная квартира, а квартира-музей, жильцы которой обязаны сохранять для истории *дух прошлого*.

Когда Грета вернулась домой после расставания с мужем, она неожиданно остро ощутила, что время все-таки властно над тем, что казалось незыблемым. Например, огромное мягкое дедушкино кресло. Когда-то они с Симоной любили, забравшись на него вдвоем с ногами, рассматривать гравюры в старых книгах. Грета машинально плюхнулась в родное кресло и... «Боже, как неудобно, сядешь – и проваливаешься словно до пола, колени на уровне ушей. И встать невозможно».

На круглом столе в гостиной была все та же бронзовато-шелковая скатерть с какими-то сказочными птицами, но часть бахромы была оторвана и растрепана.

Черный кожаный стул у стены, весь в золотых шляпках гвоздей, напоминавший чиновника, застегнутого на все пуговицы, по-прежнему стоял на кухне у стены. Когда-то это был самый крепкий и надежный стул, на него становились, когда нужно было достать что-то с антресолей или поменять перегоревшую лампочку. А сейчас он разохся, некоторые гвозди потеряли свои блестящие шляпки и остро торчали, грозя поцарапать все, что за них зацепится. Кожаная обивка на спинке стула была сильно потертой и местами прорвалась.

Да, изменилось то, что в памяти казалось неизменным. Так бывает, когда посещаешь, например, лесную поляну своего детства. «Я помню это дерево! А вот наш любимый пень!» Правда, дерево выросло, а пень, наоборот, теперь кажется совсем невысоким. И горка не крутая. «Неужели мне было страшно с нее съезжать?»

Грета решила для себя, что не будет сохранять *на память* обломки стульев, разбитые чашки или куски старого покрывала. Она будет их *помнить*, но не хранить.

В отличие от Греты Симона никогда не покидала квартиру, в которой она выросла. Поэтому ей не бросалась в глаза ветхость окружавших ее вещей. А если даже она это замечала, то все равно не считала, что старые вещи нужно списывать со счетов. У нее скопилось множество коробок, ящичков и пакетов со старьем, и она искренне верила, что когда-нибудь у нее «дойдут руки», чтобы все это починить, склеить и реставрировать. На самом деле Симона просто никогда не задумывалась о том, чтобы что-то поменять. И даже не потому, что шкаф был бабушкин, пианино старинное, а стулья и стол – память о родителях. Конечно, это тоже имело значение, тем более, что старая любимая мебель исправно служила до сих пор, но ей даже не приходило в голову, что можно *захотеть* что-то изменить. Симона не любила перемен, возможно, она их опасалась, и комфортно ей было только среди своего добротного, дубового и уже почти антикварного интерьера.

Понятно, что этот порядок несколько раз неизбежно нарушался – например, в комнате ее дочери-студентки Гали на старом столике с инкрустацией стоял новейший ноутбук с принтером, на стене, вместились между авторскими акварелями висел жидкокристаллический телевизор, а на двери с внутренней стороны был прикреплен огромный постер с портретами каких-то рок-певцов. Да и у самой Симоны на большом круглом столе, за которым она работала, стоял старый пентиум, перешедший ей в наследство от дочери. Сначала Симона просто не разрешила его выбросить, спасла, потом научилась набирать на нем тексты, запоминать и править, и ей уже стало казаться, что он вполне вписывается в ее обстановку. Когда дочь однажды начала убеждать ее, что компьютер устарел – «мам, давай купим тебе новый» – Симона категорически ответила – «меня этот устраивает». В кухне рядом со старинным буфетом стоял холодильник «шарп». Нет, конечно, было бы неправильно называть ее абсолютным противником современных достижений и удобств, но приобретать их, считала она, надо лишь по мере их доказанной острой необходимости, не отказываясь при

этом от того, что уже в течение многих лет служило верой и правдой и еще вполне могло послужить лет десять.

Симона любила порядок, и любое его нарушение вызывало в ней протест и болезненную потребность тут же привести все в норму. Но поскольку главным источником беспорядка была Галя, Симона воспринимала это как наказание себе за какие-то грехи, а ликвидацию беспорядка – как способ искупления этих грехов. Увидев заплесневевший огрызок от яблока, прилипший к старинной лакированной столешнице или мейсенскую чашку с неопрятным осадком позавчерашнего испарившегося чая, или разбросанные по комнате туфли, или упавшую на пол книгу, Симона со стоическим молчанием начинала наводить порядок. Однажды Галя застала ее за этим занятием.

– Мам, ты что делаешь?

– Убираю.

– Зачем?

– Что значит – зачем? У тебя тут такое...

– Я бы сама убрала!

– Что же ты не убрала?

– Мне было некогда. Все, теперь я сама буду этим заниматься.

Через какое-то время Симона не выдержала и вновь убрала в комнате Гали. Не дождавшись реакции, она спросила за ужином:

– Ты ничего не заметила в своей комнате?

– Ой, да, так чисто! Мам, ты просто гений чистоты! Спасибо огромное!

Вскоре уборка Галиной комнаты Симоной стала привычным делом для обеих.

– Мам, куда ты положила такую желтую тетрадь? Она упала под стол, и я знала, что она там. А сейчас ее нет.

– Она на первой полке слева. Там все тетради.

– Ты бы хоть предупреждала!

– А ты бы сама убирала!

– Но ты меня всегда опережаешь! Только я задумаю убрать – уже все чисто!

Или:

– Мам! Ты не видела мою футболку с цветами?

– Видела. Она валялась на стуле, и я ее положила в грязное. Но еще не стирала.

– Почему в грязное?!

– Потому что она уже несвежая.

– Вполне еще можно было разок поносить.

– Значит, вешай в шкаф, а не швыряй на стул.

– Ой, мам, как ты любишь создавать проблемы из ничего!

– По-моему, это ты создаешь проблему.

– Нет, ты. Это тебе надо все раскладывать по местам, по полочкам. А я к этому отношусь проще.

– Тогда возьми свою майку из ящика с грязным бельем и носи, сколько хочешь.

– Нет уж. Теперь нет, придется что-нибудь другое придумать. А я хотела эту майку!

Симона не любила эти препирания. Она укоризненно вздыхала и замолкала. Потом она приучила себя относиться к беспорядку в Галиной комнате философски. Она сказала себе, что эта Галина черта – вовсе не неряшество, а проявление качества, которого ей, Симоне, всю жизнь не хватало – *независимости* от власти порядка. Симоне было легче подчиниться существующему порядку, особенно если он не казался ей неразумным, чем проявить какие-то собственные пожелания и предпочтения. Она не умела *хотеть*. Привыкла принимать то, что есть, и считать это своим. И хотя ее не тяготила эта черта собственного характера, но в глубине души она была рада, что дочь может сказать – а я этого не хочу. Я хочу то-то и то-то.

Другое дело сестра. Симона не любила заходить в комнату Греты, потому что там от любой мелочи исходил дух анархического неповиновения устоям. И хотя она понимала, что Галюша унаследовала свою независимость именно от Греты, но почему-то Гретину самостоятельность Симона воспринимала как вызов, как демонстративное желание сделать по своему *назло ей, Симоне*.

Сестра была моложе ее на семь лет, немало, но и, казалось бы, не так уж много. Вроде, воспитывались вместе и должны все воспринимать одинаково. Но какие же они разные! Даже внешне, не говоря уже о характерах. Симона – высокая сухощавая темная шатенка с короткой стрижкой и зелеными глазами, которые под массивными очками казались скорее карими. Она предпочитала всегда фисташковые, болотные и коричневые тона, носила юбку и блузку с бантом или английским воротником, обувь покупала по принципу удобства и функциональности, не на высоком, а на удобном каблуке, практически не пользовалась косметикой, имела две пары серег – парадную и на каждый день. Иногда, крайне редко, она надевала кольцо с маленьким брильянтом.

Грета, ее родная сестра, была среднего роста, полноватая, светловолосая, голубоглазая. Она любила придумывать себе разные прически, менять имидж, не жалела денег на косметику и парфюмерию, обожала украшения – от классики «под старину» до самой смелой современной авторской бижутерии.

Грета разошлась с мужем после двенадцати лет брака, но поскольку она вышла замуж довольно рано, то развод пришелся на самый лучший женский возраст – тридцать два года. А сейчас ей уже за пятьдесят, и она по-прежнему не замужем, хотя у нее было несколько долгосрочных романов, и постоянно крутятся какие-то мужчины – любовники, кандидаты в любовники, поклонники и приятели. Детей у Греты не было.

Симона никогда не привлекала внимания мужчин, в их присутствии держалась скованно и сухогато. В отличие от Греты, которая кокетничала со всеми, даже с инспектором Мосгаза и сантехником, Симона предпочитала говорить по существу, не принимая игривый или шуточный тон. Как-то раз Симона на правах старшей сестры сказала Грете, что не все мужчины стоят того, чтобы с ними заигрывать, вернее, что не стоит заигрывать со всеми мужчинами без разбора. На это Грета ответила, что, во-первых, она уже достаточно взрослая, чтобы самой решать, как с кем себя вести, а во-вторых, кокетство – это естественное проявление женского начала при общении с противоположным полом, но поскольку это не всем дано, то не все могут это понять. Сестры чуть не разругались, потом помирились, но Симона больше никогда не заводила подобных разговоров, соблюдая границы личного неприкасаемого пространства. Сестры даже в детстве не были очень близки в смысле откровенных шептаний, обсуждений сокровенных тайн и тому подобных девичьих отношений, но при этом они все же были сестры. Поэтому, когда Симона в тридцать девять лет вдруг объявила родным, что ждет ребенка и собирается растить его одна, Грета безоговорочно поддержала ее. Кто был отцом ребенка, никто точно не знал. Ходили разные версии – то о романе с женатым сослуживцем, то о курортном романе, то о чисто деловом соглашении с кем-то генетически здоровым. Когда Симона родила Галю, Грета очень ей помогла – и в выхаживании, и в гулянии, и в покупке всяких детских вещей и в бессонных ночных бдениях, когда ребенок болел. Редко кто получает такую поддержку от родственников, а Симона имела возможность даже высыпаться. Она понимала, конечно, что Грета тоскует из-за отсутствия собственного ребенка, но эта тема не обсуждалась.

Бабушка, их мать, тоже старалась быть полезной, но самочувствие не давало ей возможности в полную силу помогать старшей дочери. После развода Грета вернулась в старую квартиру и много времени проводила с племянницей. Так что Галю сестры вырастили фактически вдвоем. Симона понимала, какую неоценимую поддержку оказала ей Грета, и была очень благодарна ей. Все вместе они были семья. Правда, душу Симоны где-то очень

глубоко внутри изъедала некая ржавчина. Она не могла объяснить, что это было, потому что никогда не признавалась в этом чувстве даже самой себе. Может, это была глухая ревность, поскольку Галя и Грета были очень близки, и Симона иногда думала, что Галя привязана к Грете больше, чем к ней, Симоне. «У меня две мамы». Грета всегда смеялась, когда Галя так говорила, Симона тоже смеялась, но немного неискренне.

3

Симона возвращалась домой на полчаса позже обычного в некотором возбужденном волнении. У нее на это была неожиданная причина. Она нетерпеливо открыла дверь ключом и с порога позвала сестру:

– Грета ты дома?

– Да, дома.

Слышно было, как Грета выключила телевизор.

– Обед готов.

– А Галюша еще не пришла?

– Нет еще. А ты хочешь ее ждать?

– Да нет, наверно. Она тебе не звонила?

– Нет.

– Мне тоже. Ладно. Слушай, Гретка, тут такое дело... даже не знаю, как сказать...

– Ну, Сим, говори как есть. Что-то случилось?

Симона постаралась не заметить «Симу», хотя она терпеть не могла, когда сестра ее так называла.

– Нет, ничего не случилось. Понимаешь, я зашла в мебельный магазин...

– Что?! Не может быть!!! Симона, ты? Зашла в магазин? Мебельный? Ты здорова?

– ...и увидела там стулья. Мне они очень понравились.

– Так... Дай прийти в себя. И в чем проблема?

– Но нам же не нужны стулья. У нас есть стулья.

Грета рассмеялась.

– Симона, ты все-таки удивительное существо! Раз в жизни тебе захотелось *купить*, и ты еще раздумываешь! Нашим стульям сто лет, почему не купить новые современные?

– Они как раз сделаны под старину. Даже чем-то похожи на наши.

– А сколько стоит один стул?

– Дорого.

– Ну и ладно! Давай купим, Сим! Я буду в этом участвовать. Давай пополам.

– Я же тебе не из-за денег рассказала...

– Да, я понимаю. Тем более, давай купим. Хоть сейчас!

– Ну, сейчас уже поздно. Понимаешь... Я уже давно на них смотрю... вернее... я уже туда однажды заходила... Может, они тебе и не понравятся. Там есть и другие стулья... И подешевле...

– Симона! Давай завтра. Я – с удовольствием!

– Ты знаешь, даже не пойму, почему вдруг... Но я их тогда заприметила и подумала – красивые стулья. А сегодня иду мимо, дай, думаю, зайду, наверно, их уже раскупили. Но нет, стоят, ждут. И так мне захотелось... ну, можно и обойтись, конечно...

– Симона!

– Короче говоря, лучше, чтобы ты на них взглянула.

– Ну конечно! О чем разговор! Мы же договорились!

Грета, подперев щеку рукой, смотрела, как сестра аккуратно доедает второе. Симона часто говорила в таких случаях: «Перестань смотреть. Дай поесть спокойно», на что Грета отвечала: «Мне нравится смотреть, как ты ешь». На самом деле Грету с детства изумляла некая *дисциплинированность* Симоны в отношениях с едой. В отличие от самой Греты, которая вечно добавляла себе то приправы, то гарнира, излишки которых потом оставались на тарелке, или доливала полчашки чая, который потом оставался недопитым, Симона принимала предложенную порцию еды как приказ, не подлежащий обсуждению, и распределяла

гарнир или приправу таким образом, что их хватало на все блюдо. Ложечка горчицы, к примеру, длилась до окончания второй сосиски. Кусок торта продолжался в течение всей чашки чая.

Вот и сейчас Симона отправила в рот последний кусочек курицы в сопровождении предназначенной для него завершающей дозы пюре, сделала финальный глоток яблочного компота и с легкой усмешкой обратилась к сестре.

– Хватит смотреть. Вкусно! Спасибо тебе за обед.

Грета кивнула.

– Грет, ты не забыла, о чем мы говорили?

– Нет, конечно. Завтра идем за стульями.

– А куда мы старые денем?

– Посмотрим. Некоторые выкинем.

– Жалко!

– А куда их! Их уже не починишь.

– Да... такие хорошие стулья.

– Были.

– Были. А сейчас... они уже... допотопные.

– Какие-какие? – со смехом переспросила Грета.

– Допотопные.

– Та-ак. Понятно...Привет от Никиты!

– А при чем тут Никита?

– А помнишь, он как-то сказал, что ему нравятся наши столы и стулья, потому что они такие *допотопные*.

Голос Симоны стал ледяным.

– Послушай, Грета, во-первых, я этого не помню. Во-вторых, неужели ты думаешь, что слова какого-то мальчишки... мне совершенно все равно, что он думает!

– Да дело не в нем. Просто после того, как он так сказал, ты вдруг заметила, что стулья допотопные.

– Если бы их можно было починить... Но ты сама говоришь... Послушай, я так редко чего-то хочу. Имею я на это право? Я увидела что-то очень симпатичное. И подходит нам по духу. Так что твой Никита совершенно тут ни при чем.

– Ну, хорошо, хорошо. Никита ни при чем. Хотя я не понимаю...

– Грета!

– Успокойся, Симона, нет так нет. Какая разница!

Несколько минут сестры молчали.

– Ладно, я пойду к себе.

– Тогда я тоже. Пойду досматривать фильм.

4

Симона уселась за стол, на котором были разложены ее черновики и выписки. Стул под ней заскрипел. Сколько им лет? Страшно сказать. Два стула уже «вышли в тираж», на них нельзя сидеть, отваливаются спинки. Надо бы реставрировать. Но дороговато. Конечно, Симона помнила, как Никита назвал стулья допотопными. Но она не *поэтому* зашла в мебельный. А потому что она *сама* подумала, что, может быть, действительно, пора купить новые. Но когда Грета так бесцеремонно об этом заговорила, да еще с усмешкой, Симона очень рассердилась. Именно за ее тон. За эту усмешку... Никакого такта. Симона подошла к окну. Потрогала землю в цветочных горшках – сухая. Надо полить.

Никита! Дикость какая-то! Сказать такую чушь!

При чем тут он? Только и слышно последнее время – Никита, Никита. Как мы жили раньше без Никиты? Откуда он взялся вообще?

Она вспомнила, как Галя однажды пришла домой после института.

* * *

– Что так поздно?

– У нас было несколько сдвоенных семинаров. Потому что на той неделе преподаватели куда-то уезжают. И они нам сделали трижды по две пары! Представляешь? Мы уже вообще ничего не соображали.

– Безобразие! – возмутилась Грета. – Они не имеют права так делать. Дети с утра без обеда, без отдыха...

– Да нет, мы там кофе попили. С булочкой.

– Правильно, скоро у вас у всех гастриты начнутся. Надо обедать вовремя и регулярно.

– Но я же не могла одна встать и сказать – знаете, мне надо пообедать.

– Почему не могла? Вот встала бы и сказала – и уверяю тебя, многие бы тебя поддержали. А если вы, как овцы, подчиняетесь – ну и нечего потом возмущаться.

– Ладно. Забей.

Симона передернулась. Грета усмехнулась.

– Кстати я там встретила одного парня из нашей школы. Представляете, он тоже на втором курсе, только на другом факультете.

– Что за парень?

– Парень как парень. Обычный. В школе мы почти не общались – он из «Б», а я из «А». Так, на дискотеках, на линейках. Но никаких контактов. Я его, правда, раньше уже видела в институте – смотрю, рожа знакомая. Но он меня то ли не заметил, то ли не узнал. Ну, я думаю – мне-то что. Пошел к такой-то маме.

– Галя!

– Ну, хорошо. Пошел к черту! Так тебе легче?

– Зачем вообще ругаться?

– Я не ругаюсь, я просто рассказываю. Ну вот. А тут вдруг он ко мне подходит – слушай, откуда я тебя знаю?

– А ты что?

– Я ему говорю, я к тебе в снах являлась. А он: нет, серьезно? Мне кажется, что я тебя знаю. Ты меня знаешь, говорю, но плохо. Ну, так, слово за слово, он вспомнил, где меня видел.

– А ты бы сразу сказала, что вы в школе вместе учились.

- Во-первых, не вместе. Во-вторых – зачем? Я вполне могла его не помнить.
 - Зачем эти игры, Галь?
 - В женщине, мама, должна быть тайна. Пусть разгадывает.
 - Ой, Галя, Галя. Ну и дальше что?
 - Ничего. Шли домой вместе, болтали. Он тут недалеко живет.
 - Где?
 - Не знаю. Я не интересовалась. Также не знаю его телефона, размера ботинок и любимого блюда.
 - А свой телефон ты дала ему?
 - А он спрашивал? Я сказала, что мы еще увидимся.
 - А он тебе понравился?
 - Ну мам, не знаю. Ничего так, вроде бы. Высокий, по крайней мере, выше меня. Светленький. Но искры он не высек.
- Симона переглянулась с сестрой.
- Понятно. А как его зовут?
 - Никита.
 - Ну, что ж. Никита так Никита. Надо бы его как-нибудь пригласить к нам.
 - Ну да. Конечно. До дому провожал, разговоры разговаривал – женись!
- Все трое рассмеялись.
- Девочки. Не гоните волну! Может меня еще кто-нибудь когда-нибудь проводит – так я к вам их всех скопом приволоку.

5

– Мама, Грета, я вам привела гостя. Это Никита. Он хочет чаю с вареньем.

Симона неожиданно для себя растерялась.

– Да... Конечно... Сейчас... Пойду поставлю чайник.

– Хорошо, что молодой человек хочет чаю. А не коньяка, например, – вмешалась Грета

– Но подожди, Симона, давай-ка с ним познакомимся сначала. Молодой человек ведь не умирает от жажды?

Молодой человек улыбнулся.

Симона тогда подумала, что у него хорошая улыбка. Позже Грета сказала то же самое, прибавив, что у него смеющиеся глаза и море обаяния.

– Если честно, то именно умираю от жажды. Но минут пять я продержусь.

Грета подняла брови. Она ждала, что он смутится «Да, конечно. Что вы. Не нужно никакого чаю». *Уверен в себе, раскован. Естественен.*

– Обычно, когда умирают от жажды, кричат «воды, воды».

– Да я и хотел воды. Но понимаете... Киоск почему-то был закрыт, а Галя предложила мне зайти к ней. И вот я здесь. А насчет чая – это целиком Галина импровизация.

– Нехорошо возлагать всю ответственность на девушку.

– Да. Вы правы. На самом деле, вина целиком на мне. Я хитростью проник в ваш дом, специально чтобы попробовать варенья... – В это время Грета уже протянула ему полный фужер минеральной воды без газа, и он в несколько глотков почти осушил его... – о котором мне доверчиво рассказала ничего не подозревающая Галя. – Он уже спокойно допил последние капли. – Ух, спасибо большое. Это было прекрасно. Буду жить!

«Он совершенно не смущается в чужом доме», – подумала Симона.

«В этом парне что-то есть», – подумала Грета.

– Так я ставлю чайник? – спросила Симона.

– Ну, на самом деле это необязательно. Я пойду. Спасибо за чудесную воду, – он улыбнулся в сторону Греты. – Сберегите для меня мою порцию варенья. В следующий раз, если вы меня, конечно, пригласите, я принесу какое-нибудь печенье.

– Это совершенно лишнее. А без чая вы от нас не уйдете. Я вас не отпущу.

– Ставь, ставь, мам, не слушай его. Мы ведь голодные, как псы.

6

Никита стал бывать у них довольно часто. Они с Галей приходили после занятий, Симона или Грета их чем-нибудь кормили. Иногда они сидели у Гали в комнате, и слышно было, как они о чем-то спорят или смеются.

* * *

- Галь, а как он учится?
- Чем он интересуется?
- О чем вы разговариваете?
- Кто его родители? Какие у него с ними отношения?
- Есть у него друзья?

Все эти вопросы Симона и Грета задавали Гале, потому что им необходимо было знать побольше о Галином мальчике – а они не сомневались, что Галя и Никита – это пара, и в телефонных разговорах с немногочисленными родственниками упоминали Никиту именно в таком качестве – «Галюшка с Никитой были в театре...» или «сейчас Галя с Никитой придут, я их покормлю и после этого могу быть свободна...»

Симоне и Грете Никита нравился. Они часто заводили с Галей разговор о том, какой он остроумный и веселый.

– Да это он только с вами такой, – отбивалась Галя. – А в жизни он довольно вялый и незаметный.

Их беспокоило, что Галя не ценит его замечательных привлекательных качеств, которые были очевидны для них. Симона говорила:

– Галя, он незлой, неконфликтный, внимательный.

– В нем есть мужское начало, и со временем он будет шикарным мужчиной, – вторила Грета.

– Вот когда будет, тогда поговорим. И вообще, что вам дался этот Никита?

Галя уверяла, что кроме дружеских чувств их ничего не связывает и что именно поэтому их отношениями можно дорожить – потому что дружба – явление более редкое, чем любовь.

– Ты, Галюша, не права. Будешь локти кусать, еслипустишь такого парня.

– Слушайте, мне он нравится. Но не так, как вам хочется. Что я могу сделать? Мы дружим.

Сестры переглядывались и пытались выяснить, в чем дело – может, с ним что-то не так?

– Да нет же, он замечательный. Он умница-остроумница и все такое, но мне он как мужчина не нравится. Это понятно?

– А он за девочками ухаживает? Есть у него кто-то?

– За девочками он не ухаживает, потому что сейчас вообще никто ни за кем не ухаживает. Сейчас другое время. Сейчас встречаются, ходят вместе в кино, в кафе.

– Это и называется ухаживать.

– Ну не знаю. Вроде бы у него никого нет. Хотя другим девчонкам он нравится. Не могу сказать, что он институтский кумир, но думаю, некоторые были бы не прочь. Но он ни одну из них особо не выделяет. Хотя со всеми мил.

– Потому что он влюблен в тебя?

- Мам! Разве он похож на влюбленного в меня? Еще раз повторяю, мы друзья. И личная жизнь каждого не мешает этой дружбе.
- Какая же у него личная жизнь?
- Ну мало ли, какая.
- Но ведь он большей частью торчит у нас.
- Может, ему с вами интереснее, чем с нами.
- Почему все-таки? Может, он синий?
- Галя прыснула, Грета расхохоталась.
- Мама! Какая ты у меня продвинутая, оказывается! Во-первых, не синий, а голубой.
- Какая разница!
- Во-вторых, он не голубой. Иначе он торчал бы не у нас, а где-то в гей-клубе. Но он – натурал.
- Натурал?
- Ну да, если уж ты разговариваешь в современных терминах. У него была трагическая любовь. И после нее он пока никого не может полюбить. Должно пройти время.
- А в чем трагедия? – поинтересовалась Грета.
- Грет, не могу рассказать, это его тайна.
- Но ты знаешь?
- В общем, да.
- От него?
- Да. Он сам мне рассказал. Только просил не трепаться на эту тему.
- «Не трепаться!» Как вы выражаетесь!
- Любопытно. Что там могло быть? Он не похож на человека, пережившего трагедию.
- Грета! Не пытайся меня расколоть. Я обещала.
- Да я и не пытаюсь. Я просто рассуждаю вслух. По крайней мере, я думаю, что это не история Ромео и Джульетты.
- Ну, мало ли какие бывают трагедии. Не обязательно с летальным исходом.
- Может, безответная любовь? – предположила Симона.
- Да нет, Симона, не похож он на человека страдающего. Он не пишет стихов о бессмысленности жизни. Он весел, уравновешен, в нем нет надрыва.
- Грета, кончай анализировать! А то ты сейчас докопаешься. И получится, что я его выдала. Он никогда не поверит, что ты сама догадалась.
- Да я же еще не догадалась. А если догадаюсь, то ты не говори мне, что я права. Вот и все.
- Ну да, не говори. Ты все равно меня раскусишь.
- Грета рассмеялась.
- Хорошо. Не буду больше докапываться. Хотя кроме романа со школьной учительницей мне ничего больше в голову не приходит.
- Ну вот. Я же говорила!
- А-а, так вот оно что!
- Неужели у него был роман с учительницей? – поразилась Симона. – Но с кем же? Я практически всех ваших учителей знаю.
- Мам, значит, ты не всех знаешь. И потом, ничего такого не было. Просто ему нравилась учительница, а поскольку он хорошо учился, то она его хвалила. И он принял это за любовь с ее стороны. Вот и все.
- А в чем трагедия?
- В том, что его мечты оказались иллюзиями. Но он ее не может забыть.
- Странно. Детский сад какой-то. Как-то не вяжется...
- Но я надеюсь, ты не будешь у него уточнять подробности?

– Нет, конечно. Ладно. Я вас оставлю. Пойду к себе.

Когда Симона прикрыла дверь, Грета спросила:

– Речь идет о химичке?

– Да. А как ты догадалась?

– Я как-то была на родительском собрании вместо Симоны. Из всех учительниц она самая ... с живыми глазами. И что же, мужу учительницы стало известно об этом романе?

– Вот именно. И был большой скандал..

– А ты об этом знала?

– Нет, все прошло мимо меня.

– А ее не уволили?

– Она сама ушла.

– Н-да. Вот вам и Никита. Но все равно здесь что-то не то. По нему не скажешь...

Хотя...

– Знаешь, мне не очень удобно у него спрашивать подробности. И честно говоря, не особенно интересно.

– Ну ладно. В конце концов, что нам до этого? Правда?

– Да, Грет, только ты ничего не знаешь.

– Не волнуйся. Конечно, я ничего не знаю.

* * *

Похоже, Галя говорила правду. Часто, когда они все сидели на кухне и обедали, ей кто-то звонил, и она выходила с трубкой в другую комнату разговаривать. Симона чувствовала страшную неловкость.

– Никит, ты извини ее.

– Да ради бога, – отвечал Никита, – пусть разговаривает.

– А кто это звонит, ты не знаешь случайно? – осторожно интересовалась Грета.

– Ну, поклонник очередной, наверное.

При этом он вел себя как всегда раскованно, и видно было, что Галины дела его ничуть не задевают и не влияют на настроение. Видно было также, что он с искренним удовольствием приходит к ним в дом и никакие звонки Галиных поклонников не портят ему этого удовольствия.

7

Вскоре Симона и Грета так привыкли к его приходам, что когда его не было несколько дней, они начинали беспокоиться – все ли с ним в порядке.

Однажды Симона, придя домой, увидела в гостиной два пустых стула перед работающим телевизором, на столе – две чашки с чайниками на дне. Одновременно она услышала Никитин голос, оживленно что-то рассказывающий.

– Галюша! – позвала она. – Можно тебя на минуту!

– Ее нет, – отозвалась Грета из своей комнаты, и тут же появилась вместе с Никитой.

– Нет? – удивилась Симона. – А где же она?

– У нас сегодня разное расписание. У них четыре пары, а у нас три. У меня никого дома сейчас. А я забыл сегодня ключ. И поэтому явился к вам без Гали.

– Правильно сделал. Есть хочешь?

– Уже. Меня накормили и напоили.

– То, что напоили, я вижу, – сказала Симона.

– Симона, не ворчи! Помою я эти чашки. Просто мы заговорили о Дали. И я показывала Никите тот альбом, помнишь? Который я привезла из Фигераса.

– А-а, замечательный альбом! Тебе нравится Дали, Никита?

– Очень!

– Ты можешь приходить, когда хочешь, пожалуйста. Независимо от Гали. У нас разные есть альбомы, если ты интересуешься живописью – ради бога, мы будем рады. Правда, Грета?

– Я ему то же самое сказала.

– Если честно – я вам очень благодарен! Я воспользуюсь вашим разрешением.

– Ну конечно. Приходи.

8

Грета услышала звонок в дверь, отложила журнал и пошла открывать.

– Привет, Никита. Заходи. Ты один?

– Да. Можно?

– Можно, конечно. А где девушка?

– У девушки какие-то дела. Она сказала, что я могу прийти один и подождать ее. И кстати, сказать вам, что она задержится.

– Ну, понятно, – усмехнулась Грета. – А где она задержится?

– Где-то по делам. По моему, у нее какая-то встреча. Важная.

– Важная? С кем же?

Никита замялся.

– Никит, у нее что – роман?

– По-моему, что-то вроде того.

– А ты как к этому относишься?

– Я не знаю, честно говоря.

– А какие у вас с Галей отношения?

– Мы друзья.

– А она тебе нравится?

– Она хорошая девчонка. С ней можно нормально общаться.

– Но вы не влюблены друг в друга?

– Боюсь, что нет.

Грета рассмеялась.

– Дипломат ты мой!

– Нет, мне она нравится, но...

– Да не оправдывайся ты, я просто задала прямой и не очень тактичный вопрос. А ты прекрасно ответил. А она с тобой делится своими секретами?

– Ну, кое-что, она мне рассказывает.

– А ты ей?

Никита улыбнулся.

– Я стараюсь не рассказывать.

– А есть что?

– Да не очень-то.

«В нем чувствуется мужчина. А то ли еще будет... Эх, Галка, Галюшка!»

– Слушай, Никита. Мне нравится с тобой разговаривать. Ты ведешь себя по-мужски.

Никита покраснел.

– Да не смущайся, все хорошо. Чаю хочешь?

– Да, можно.

– Я, пожалуй, тоже с тобой выпью, только не чай, а кофе.

– А можно мне тоже кофе?

– А может, ты тоже кофе?

Эти две фразы они произнесли одновременно и оба рассмеялись.

– Да, ловко получилось. Тебе кофе со сливками?

– А вы?

– Я – черный.

– Тогда и я черный.

– Не будь мартышкой. Пей, как тебе хочется.

– Черный.

Грета усмехнулась глазами.

– Ладно, будет тебе черный.

– А это ваш журнал?

– Да. Я как раз читала, когда ты позвонил. А что?

– Ничего. Интересно.

– Хочешь почитать?

– А что вы читали?

– Там есть одна критическая статья, мне она показалась любопытной. Я дочитаю, и потом можешь взять, если тебе интересно. Договорились?

– Договорились.

9

Однажды Никита пришел, когда Грета и Галя о чем-то спорили. Галя открыла ему дверь и кивнув, продолжила начатый до него разговор.

– Я не могу. Понимаешь?

– Но мы же заранее договаривались!

– У меня изменились планы!

– Но так не делается.

– Грета, ну пойми ты, наконец, что для меня эта встреча важна!

– Важнее, чем поход со мной?

– Грета, да! Важнее! Я все равно буду думать только о том, как сбежать. Может, у меня вся жизнь разрушится.

– Ну как хочешь.

– Грета, ну не обижайся, пожалуйста! Слушай, походи с Никитой.

Никита все это время сидел и читал журнал. Тут он поднял голову.

– О чем речь?

– Понимаешь, у Греты билеты на выставку японской графики. Я обещала пойти, но не могу. И у Греты пропадает билет. Может, ты хочешь пойти?

– Я бы с удовольствием. Но... может быть, Грета Вольдемаровна хочет пойти еще с кем-то...

– Да нет, Никита, мы договаривались с Галей. Но я с удовольствием возьму тебя.

– Ура! А сколько стоит билет?

– Да нисколько. У меня приглашение на два лица.

Никита схватил Галю в охапку и закружил в шуточном танце по комнате.

– Кто скажет, что я не счастливчик? Есть приглашение на элитную выставку, на два прекрасных лица. И одно из них – мое!

– Никитка, твое чувство юмора спасет мир! – закалывая растрепавшиеся волосы, смеялась Галя.

– В этом доме, – с улыбкой уточнила Грета.

10

– Что же это за выставка такая, что вы на ней весь день проторчали?

– Да сама-то выставка небольшая. Три зала. Великолепная графика. Старинные и современные гравюры. Книжные иллюстрации. Выставка изумительная. Так что мы походили вволю. Потом обсуждали. А потом решили по другим залам пройтись, раз уж все равно в музее. Но я тебе скажу – Никита всерьез интересуется живописью и, похоже, соображает. Он четко может сказать, что ему нравится и главное, почему. Я говорю – а вот этот натюр-морт как тебе? Он говорит, это очень манерно, неискренне. Понимаешь? Из него бы хороший искусствовед вышел. Так что мы решили, что ликбез надо будет продолжить.

– Понятно.

– Ну вот, а потом мы зашли в кафе. И пили кофе.

– Что ж ты его не привела домой? Пообедали бы нормально.

– В том-то все и дело, что это он настоял на кафе. Я говорю, Никит, пойдем, нас дома обед ждет. А он – нет, я хочу пригласить вас в кафе. И так он это сказал, что я поняла – не пойду – он обидится. Это вроде, как ответ на приглашение в музей. И представляешь – он не разрешил мне заплатить. Вот так.

– Ну что ж. Вполне по-взрослому.

– Я бы сказала – вполне по-мужски.

– Да. Только денег-то у него нет.

– Ну, знаешь, я ведь это понимаю. Я выпила чашку кофе с маленьким пирожным. А он – с мороженым. Так что затраты он понес минимальные.

– Ну ладно. Значит, ты практически голодная?

– По идее, да. Но знаешь, я совсем не хочу есть.

11

- Никит, расскажи о себе.
- Что рассказывать?
- Что хочешь.
- Да ничего интересного.
- Печенье? Вафли?
- Все равно. Печенье.
- Кто твои друзья?
- У меня есть пара друзей, но последнее время я как-то с ними мало общаюсь.
- Это школьные друзья?
- Да, мы всю школу продружили. А сейчас как-то разошлись.
- Почему? Тебе с ними неинтересно?
- Нет, интересно. Но с вами мне интересней.
- Да, я заметила. Есть еще конфетки. Вкусные! Но это не потому, что у тебя нет друзей-сверстников?
- Нет, конечно. Но с ровесниками мне как-то и говорить не о чем. Я могу поддержать разговор, но ... могу и не поддерживать.
- Слушай Никит, ты извини, что я вторгаюсь в личное пространство, а девушки? Ты с ними контактишь?
- Никита усмехнулся.
- С Галкой вашей контакту.
- Давай еще чаю. А то остыл совсем. А с другими? Тебе кто-нибудь из них нравится?
- Там есть симпатичные. Но так, чтобы мне кто-то особенно нравился... такого нет.
- А почему?
- Не знаю.
- А ты им нравишься? Такой интересный парень ...
- Некоторым, наверное, нравлюсь. Но уж больно они ... настырные. Я таких не люблю.
- Ты попробуй сыр с медом! Не бойся, макни. А в школе кто тебе нравился? Мне Галка говорила, что ты в школе был популярен у девчонок.
- В школе мне... кое-кто нравился.
- То есть, первая любовь была в школе?
- Ну да.
- Вкусно? То-то же! И с джемом тоже хорошо! И что же?
- Ничего.
- А после школы вы общаетесь?
- Нет, после школы мы не общаемся.
- Понравилось? Ладно, в следующий раз будет абрикосовый джем. Приходи! Мы тебе всегда рады.
- Я тоже всегда рад к вам приходиться.
- Надо же, не раскололся. Что ж, это вполне мужская черта.*

* * *

- Никит, а твои родители?

– Они мной почти не интересуются. У них свои проблемы. Они их всю жизнь решают. Меня вечно отвозили то к одним дедушке-бабушке, то к другим. И я уже привык быть сам по себе.

Вот почему он к нам прилетился!

– То есть, никто не возражает и не беспокоится, что ты часто бываешь у нас?

– Нет, никто не беспокоится. А я вам мешаю?

– Что ты! Просто иногда родители могут даже приревновать своего ребенка к чужим, а я бы не хотела, чтоб у тебя были сложности с родными. Вот и все. А мы к тебе так привыкли, что когда тебя нет, мы уже скучать начинаем – где ты, куда пропал.

12

Грете стало жалко парня, который в отличие от Гали, получавшей двойную дозу заботы, вообще был никому из родных не интересен. Она решила быть к нему повнимательней, чтоб как-то компенсировать эту нехватку тепла. Она часто беседовала с ним, незаметно выясняя, что он любит, чем интересуется, и подспудно формируя его жизненные устремления. Короче говоря, у Греты появилась забота, которой она уделяла все больше и больше времени. Грета теперь часто брала Никиту с собой в музей, на выставки, на открытие галерей. Кроме того, она покупала ему книги по истории живописи, учебники по композиции и снабжала его всем, что, по ее мнению, могло оказаться для него полезным.

Симона с усмешкой спрашивала ее:

– Что ты с ним носишься? Ему это все совершенно безразлично, он ходит с тобой просто из вежливости.

– Что ты глупости говоришь! – взрывалась Грета, – он талантливый мальчик, но если я ему не помогу сейчас, то его талант пропадет. Не реализуется. А так он найдет себе хорошую работу. Потому что талантливых искусствоведов мало. Я чувствую в нем искру и раздуваю ее, как могу.

Во время совместных походов Грета разговаривала с Никитой на самые разные темы – порой весьма далекие от живописи. Она расспрашивала его о нем самом, о его пристрастиях, настроениях, часто их беседы начинались с вопроса «а как ты думаешь?» И она заставляла его думать. Или «как бы ты поступил в ситуации...» И они проигрывали эти ситуации, словно проживая их наяву. Для него это была забавная игра, а Грета, как заботливая куропатка, искренне старалась привить подкидышу-птенцу навыки вспархивания, не зная, цыпленок он, утенок или журавленок.

Никита с искренним удовольствием ходил по выставкам и вернисажам. Ему действительно было интересно, и он на самом деле проявлял способности в этой области. Но возможно, что он с таким же интересом ходил бы на концерты или на спортивные тренировки.

Он иногда приглашал Грету после музея в кафе. Со временем это превратилось в обязательный элемент похода – после музея или выставки они заходили в кафе, пили кофе и обсуждали картины. Грете часто говорили – какой у вас интересный сын. Она смеялась в ответ, ей нравилось, что все так думают. А однажды кто-то из знакомых сказал «сейчас модно иметь молодых поклонников. Вы прекрасно смотрите». Они оба рассмеялись, и впервые у Греты екнуло сердце – она вдруг увидела Никиту со стороны и поняла, что в принципе... можно и так подумать, глядя на них. Она была очень оживлена в тот день, и в душе ее проснулись какие-то потаенные весенние мотивы.

13

Симона открыла буфет.

– Грета, откуда у нас пирожные?

– Я купила к чаю.

– Мы что-то отмечаем?

– Нет, просто захотелось.

– Можно взять?

– Ну конечно, Симона, что за вопрос!

– Ты мне не составишь компанию?

– Вообще-то я уже пила чай, но с тобой посижу.

– А где наша молодежь?

– Я думаю, они могут быть или на занятиях или еще где-то.

Симона улыбнулась.

– Логично!

– На самом деле еще рано. Часа через два явятся.

14

Симона сидела перед телевизором, когда услышала, наконец, звук открываемой двери. Она вышла в коридор. Галя и Никита повесили куртки на крючки, и теперь Галя стаскивала с себя высоченные сапоги без молнии, а Никита снял кеды и не глядя, привычно сунул ноги в «свои» тапки.

– Здравствуйте, Симона Вольдемаровна!

– Mam, привет, это мы!

– Привет, привет. Вижу. Как ваши дела? Успехи есть?

– Успехов особых нет, но все нормально.

– Хорошо. Обедать?

– Mam, можно попозже? Мы сейчас не хотим.

– Пожалуйста.

– Грета дома?

– Она у себя.

– Отлично. Потом все вместе будем пить чай. Пошли, Никит.

Они отправились в Галину комнату и закрыли за собой дверь.

Симона вернулась в гостиную. Вышла Грета.

– Пришли?

– Да, пришли. Обедать не стали.

– Значит, не голодные. Потом чаю попьем.

Из-за двери слышен был приглушенный разговор и смех.

– Как ты думаешь, что они делают?

– Не знаю. Но думаю, ничего плохого.

– Меня немного смущает закрытая дверь.

– Симона! Ну, перестань! Наверняка у них есть темы для разговора, в которые они не хотят посвящать других.

– Но мы же не слушаем их разговоры!

– Не слушаем, но можем случайно услышать. А они не хотят. Имеют право.

Симона с сомнением покачала головой.

– Симона, если ты боишься, что они занимаются любовью...

– Грета!

– ...ну, что они в постели... я уж не знаю, как еще деликатней сказать... то я тебя уверяю, что это не так. По крайней мере, этого не будет, пока мы с тобой дома, в соседних комнатах.

– Грета! Что ты говоришь такое!

– Но если, скажем, им захочется поцеловаться, то это будет удобнее делать при закрытых дверях.

– Ох, Гретка!

– А что такого? Галка уже взрослая девочка. И хорошенькая при этом. И я допускаю, что не только Никита захотел бы ее поцеловать...

– Нет уж, пусть лучше Никита.

– Милая моя, она нас не будет спрашивать, с кем ей целоваться.

– Да, ты права, – вздохнула Симона.

– Так что, не волнуйся. Все в порядке. Все в норме. И позови меня, когда будет чай.

15

– Смотрите, что у нас сегодня к чаю!

– Ух ты, Никитка, это же твои любимые пирожные! – воскликнула Галя. – Он может мимо любых сладостей пройти, но когда он видит эклер, обсыпанный крошкой и пудрой...

Никита улыбнулся и взглянул на Грету. Грета поймала его взгляд и расхохоталась.

«Пойдем кофе пить? – Пойдем! – Ты что будешь? – А у них есть эклеры с обсыпкой? – Есть. – Ну, если есть эклер с обсыпкой, можно меня не спрашивать, я другого не захочу».

– Я рада, что у меня есть единомышленник. Я сама обожаю эти эклеры.

Симона подняла брови, но ничего не сказала.

16

- Грета, мне надо с тобой пообщаться.
- Ну давай, Галюш, заходи. Что случилось?
- Не знаю, с чего начать.
- Начни с конца.
- Грет, у меня роман с взрослым дядькой.
- Та-ак. Что значит роман? И насколько дядька взрослый?
- Роман самый настоящий. Понимаешь?
- То-есть, у вас близкие отношения?
- Да, очень близкие.
- И давно?
- Средне. Две недели.
- Средне! Это совсем ничего! Ну и как?
- Неплохо.
- Ответ наглый и самонадеянный. Что неплохо?
- То, что ты спрашиваешь.
- Галюш, я не спрашиваю тебя – каков он в постели. Потому что тебе на этот вопрос нечего мне ответить.
- Почему нечего?
- Потому что тебе не с чем сравнивать. Сам факт первой взрослой связи для молодой девушки уже является чем-то эдаким. А когда приходит опыт, ты понимаешь, что может быть и иначе, и лучше, и прекрасно по-настоящему.
- Тогда что ты имеешь в виду?
- Я имею в виду – как он к тебе относится и что он себе думает? И что ты думаешь? И не будет ли неожиданностей от этого романа?
- Он говорит, что любит меня.
- Ну, это понятно. А чем он тебе так понравился кроме того, что он сказал эту волшебную фразу?
- Он очень интересный, он похож на моего любимого актера. Он всем девчонкам нравится. Он умный. Он...
- Так. Это один из ваших преподавателей?
- Грета! Ну как ты угадываешь? Откуда ты узнала?
- Галочка, это не сложно. Сколько ему лет-то?
- Сорок семь.
- Да... а тебе двадцать. Нормально. Сколько у него жен?
- Сейчас вторая. Но он жутко интересный.
- Дети у него есть?
- Есть. Двое.
- Слава богу.
- Почему?
- Потому что он не захочет еще детей. Его инстинкт отцовства удовлетворен. И что он тебе предлагает?
- Он говорит, что давно не видел, чтоб красивая девушка была одновременно такой умной.
- Галка! Ну как ты можешь вестись на такие элементарные, тривиальные вещи? А где вы встречаетесь?
- На квартире его друга.

– Что за друг?

– Не знаю. Я его ни разу не видела. Наверное, он в командировке.

– Галь, послушай меня. Ни в какой он не в командировке. Просто у них договоренность – когда кому-то надо переспать с кем-то, они пользуются этой квартирой. Это чья-то холостяцкая квартира, вот и все. И поверь, что они часто приводят туда девиц. В том числе глупых студенток, которые клюют на их фальшивую наживку. Или тех студенток, которые таким образом отрабатывают зачет. Галюш, если тебе он так нравится – что я могу поделаться. Тем более, что ты уже с ним якшаешься. Но прошу тебя, не принимай это близко к сердцу. Не воображай, что это любовь, это просто первый сексуальный опыт. Вот и все. Поняла? Тогда тебе будет проще с ним расстаться дней через десять, и ты избежишь душевной травмы, когда застанешь его с другой девчонкой. Кстати, ты ведь и пришла ко мне потому, что уже что-то не так. Правильно?

– Ну, я просто не знаю, как быть дальше. Я вдруг подумала, что если он разведется с женой, то хочу ли я за него замуж?

– Ой, Галка, ну какой же ты ребенок! Он даже не думает разводиться. Ты пойми, он просто окружен соблазнами в лице многочисленных молоденьких студенток. Стройных, свеженьких, неискушенных, для которых он что-то из себя представляет. И он знай выпендривается перед вами! А потом едет домой, и там жена заставляет его выносить мусор, проверять уроки у детей, покупать хлеб, картошку и все такое. Кстати, ты санитарные нормы соблюдаешь? А то можно подцепить какую-нибудь пакость от этой массовки. Любовь без гигиены не любовь. Надо соблюдать гигиену.

– Грет! Ты такой циник. Но с тобой хоть можно обо всем поговорить. Ты представляешь, что было бы с мамой, если б она узнала?

– Нет, не представляю! А Никита?

– Что – Никита?

– Он знает?

– Да, он единственный, кто в курсе.

– А он как к этому относится?

– Не очень одобрительно, он не может понять, что я нашла в этом Степанцове.

– Так он еще и Степанцов!

– А что плохого? Ведь не Тютюськин же!

– Еще не хватало! А тебе Никита совсем не нравится?

– Грет, я ж тебе уже говорила – он для меня мал.

– Что ты понимаешь! Поверь мне, Галюш, он будет очень интересным мужчиной, по-настоящему интересным и по-настоящему мужчиной. И ты будешь очень жалеть, что его упустила.

– Пусть он сначала станет таким, а потом я посмотрю.

– А потом будет поздно, может быть.

– Грета, мне он не нравится.

– Но зато ты ему нравишься.

– С чего ты взяла?

– А чего ради он стал бы ходить сюда, как привязанный? Его же, как магнитом, сюда тянет.

– Если уж на то пошло, то я тут совершенно ни при чем. И ходит он не ко мне, а к тебе.

– Ну, правильно, он приходит, а тебя нет. Я же не могу его гнать. Мы сидим, разговариваем, ждем, когда ты заявишься.

– Между прочим, Грет, мне последнее время кажется, что он приходит именно ради тебя.

– То есть?

– Ему нравится с тобой общаться, ходить по всяким вернисажам. Вообще, он так на тебя иногда смотрит...

– Как он смотрит?

– Ну, так... горящим взором.

– Что ты несешь, Галка?

– Нет, правда. Он, наверное, влюбился в тебя. Во всяком случае, мне несколько раз уже это приходило в голову.

– Ну что ж, завести на старости лет роман с внучонком...

– Каким внучонком, Грета! Ты еще молодая женщина!

– Ты знаешь, сколько мне лет? Пятьдесят три! О чем ты говоришь!

– Тебе не дашь столько.

– Это другое дело. Но факт остается фактом.

Грета вдруг начала смеяться.

– Ты что, Грет? Что смешного? Ну скажи, почему ты смеешься?

– Ой, не могу! – Грета отдышалась, откашлялась – Мы с тобой два сапога, стоим друг друга.

– Почему?

– Ты в двадцать лет завела роман с сорокасемилетним балбесом. А я в пятьдесят – соблазну двадцатилетнего мальчика. Нормально!

– А что, Грет, потом махнемся! Знаешь, как в полонезе или там мазурке...

Они себе представили, как выполняют танцевальные па – Галя со Степанцовым и Грета с Никитой. И потом звучит команда – переход партнеров. И они с многозначительными улыбками и чинными кивками обмениваются кавалерами.

Они уже обе – Грета и Галя – хохотали, придумывая все новые смешные детали.

– А представь себе... хахаха... по... хахаха... по... хахаха...

– Что – по? Хахаха!

– По... по-о-ольку... – рыдая от смеха, смогла произнести Галя. И эта картина – как они скачут, руки наперекрест, в ритме польки, – вызвала такой взрыв хохота, что Симона с беспокойством приоткрыла дверь и заглянула – что у вас происходит? И с изумлением наблюдала, как тетка и племянница, согнувшись пополам, захлебывались хохотом, хлюпая носами и вытирая мокрые от слез лица.

17

Вообще-то Грета и сама замечала, что молодой человек иногда смотрит на нее восхищенными глазами. Но она отдавала себе отчет, что это восхищение относится к ней постольку, поскольку она является частью того мира, куда он, по-видимому, мечтал попасть, а может быть – даже и не мечтал, но попал, благодаря ей. Никите было явно интересно и лестно знакомство с людьми, имевшими магически звучащие знаки отличия от остальных – например, «главный редактор такого-то журнала», «режиссер такого-то фильма», «автор учебника по художественной композиции» и так далее. Возможно, знакомство с ними подпитывало его молодое честолюбие. А возможно и то, что крупный план позволял ему обнаружить у знаменитости черты, свойственные простым смертным, и это придавало ему уверенности и в своих собственных силах.

* * *

– Привет, подруга!

– Генрих!

Поцелуй дружеский и весьма пылкий. Он – потому что Грета хорошо выглядела, и раз она здесь – значит на плаву, в деле.

Она – потому что рада возможности продемонстрировать, что она еще на плаву.

– Шикарно выглядишь!

Благодарный молодой смех.

– Как тебе новый шедевр века? Видела?

– Нет еще. Как раз идем.

– Ну-ну, – с усмешкой. – Посмотрите, посмотрите. – Взгляд на молодого человека – зорко, но без интереса – раз он с ней – то значит свой. Будущий конкурент. Пусть пока что радуется, что стоял рядом с мэтром.

* * *

– Это знаешь кто? Это Генрих Коробов, член академии художеств.

* * *

– Грета!

– Мартина!

– Как ты? Что-то тебя давно не видно, я даже спрашивала – где Грета, никто не знает?

– Да я тоже думала – куда ты делась?

– Я уж испугалась... не ушла ли ты из редакции.

– А я удивлялась – после выставки – тишина.

– Значит, мы просто не совпадали!

– Да. По фазе.

Дружный женский смех.

– Ну ладно, – быстрый оценивающий взгляд на Никиту. – Надо будет как-нибудь...

– Да, да обязательно!

Многозначительно, с нажимом:

– Нам есть о чем поговорить!

- Вот именно! Ну, пока, дорогая!
- Увидимся!

* * *

– Это Мартина Федорова, жена владельца галереи «Два в кубе», зимой устраивала выставку своих инсталляций.

* * *

- А я все думаю – почему эта великолепная женщина меня *игнорирует*?
Целует руку.

– Виктор Самуэлевич, как я рада вас видеть!

Самодовольный смешок.

– Как вы, *догогая*?

– Да по-всякому.

– А что такое? – на лице фальшивая озабоченность, рождающая секундную иллюзию на возможное участие в судьбе.

– Нет-нет, все нормально. – Грета уже давно не поддавалась на эти фантомы. – Просто хочется чего-то лучшего.

– Ну, моя *догогая*, кому не хочется... А этот юноша...

– Это мой племянник.

– То-то я *смотрю* — для сына он *стаговат*. У такой молодой особы не может быть такого *взгослого* сына.

Взрыв светского смеха Благодарно-веселый смех Греты. Самодовольный – Виктора Самуэлевича. Немного смущенный, скромный – *пока еще* – Никиты.

– А чем он *интегесуется*?

– Живописью. Он будущий знаменитый эксперт.

– А-а! значит, наш человек?

– Наш!

– Ну что ж, молодой человек, вы *в хогоших гуках*! желаю удачи!

* * *

– Ты его узнал? Нет? Это же критик Вольпин, у него колонка в журнале «Живопись и графика». Говорят, он всю жизнь учился не выговаривать «р». На самом деле, у него нормальная дикция.

– Грета Вольдемаровна, здравствуйте!

– Здравствуйте!

– Вы мою статью редактировали...

– Да-да. Я помню.

– Очень приятно вас встретить.

– Спасибо. Взаимно.

– Я бы хотела в вашем журнале еще две своих статьи опубликовать. Поможете?

– Это не совсем ко мне... Это к главному...

– Ну скажите, мол, старый автор... Когда позвонить?

– Насколько я знаю, портфель переполнен. Вы уточните у секретаря...

– Я позвоню, скажу с Гретой Вольдемаровной разговаривала. Это ваш сын? А я вот своего никак не могу затащить на выставку.

– Может насильно и не надо тащить... Всего вам доброго.

* * *

Это какая-то авторша. Напрочь не помню ее имени.

* * *

– Грета! Приветствую!

– О, привет, Володь! Как ты?

– Нормально! Идем к о д н у! Да нет, шучу, шуч у! Твой? – кивок в сторону Никиты.

– Мой.

– Нормально! Ты не в курсе, кого выбрали – Истомина или Кесарьяна?

– Я не знаю.

– Не так отвечаешь. Надо сказать «а я знаю?» Помнишь, как в анекдоте – «Рабинович, а вы знаете, почему подушка моей жены пахнет вашим одеколоном? – А я знаю?»

– Володь, ну откуда ты берешь все эти анекдоты?

– А я знаю? Ну, ладно. Давай! *Си ю!*

– Бай-бай!

* * *

Это художник-график Владимир Крупин. Он книги оформляет.

* * *

– Гре-ета!

– Ло-ора!

– А я думаю – ты или не ты?

– Я! Неужели я так изменилась?

– Ты очень изменилась, но ты знаешь, к лучшему!

– Ну, Лорик, я тебя умоляю!

– Да правда, ты помолодела, прямо как двадцать лет назад! Гретка, ты очень хорошо выглядишь, красotka!

– Лорка, дорогая! Как я рада! Сколько же мы не виделись?

– Года четыре, я думаю.

– Неужели уже четыре года?

– А ты думала? Время летит! Какой у тебя сын красивый! А я сначала подумала, что у тебя такой молодой поклонник.

– Лорик, не смущай мальчика!

– Да их сейчас разве смутишь! Правда ведь? И потом, чего тут смущаться! У такой женщины, как твоя мама, вполне может быть...

– Лорик, как ты-то сама?

– А я уже бабка!

– Ну да?!

– Да! Уже два года три месяца. Сейчас, подожди. – роется в сумке. – Вот, смотри мы какие!

– Ой, какое солнышко! Зайчик! Глазки какие умненькие!

– Да, весь в меня! – смеется. – Настюха уже собирается выходить на работу, так что будем помогать – когда мы с Алешкой, когда те бабушка с дедушкой. Они хотят еще няню, но знаешь, так трудно сейчас найти хорошую няню... но пусть ищут. А то я на пенсию все-таки не хочу выходить. Еще хочу поработать. Ой, погоди, кто-то звонит. Алло!

Грета воспользовалась паузой:

– Ну, Лорик, счастливо тебе! Мы пойдем!

– Алло, сейчас. Не клади трубку, – прикрыла трубку рукой. – Гретка, счастливо, рада была повидаться. Пока-пока. Не пропадай! – Да, алло. Так что ты говоришь?

* * *

Грета отметила, что Никита ни разу не сделал попытку сказать что-то наподобие «нет, я не сын. Я просто...» Очевидно, ему тоже было приятно казаться ее сыном. По крайней мере, не было неприятно. Правда однажды ей пришло в голову что никто из ее знакомых имеющих сыновей не ходил с ними ежедневно в музей и не пил кофе в кафе. Ладно. Пусть думают что хотят. Я ведь ничего ужасного не делаю. Я просто вожу мальчика по музеям и просвещаю его – что здесь плохого?

Намеки на молодого поклонника... Это было лестно и немного возбуждало – как глоток шампанского. Против этого он тоже, между прочим, не возражал. Возможно, и ему это было забавно. Во всяком случае, он *принял игру*.

Да... из этого мальчика со временем получится настоящий мужчина. В нем есть *это*. Эх... Если бы он был постарше, иногда думала она, не позволяя себе другой, более беспощадной формулировки – если бы я была моложе... Ну что ж, какой-нибудь девчонке жутко повезет.

18

Однажды Грета увидела натюрморт: белый кувшин и тарелка с вишнями. Вишни были все словно только что с дерева, некоторые черенки с листочком. Пара вишен свесилась с тарелки на салфетку под кувшином, несколько ягод скатились с тарелки прямо на стол. Грета вспомнила, как они с Никитой ходили на выставку фаянса и фарфора. Она обратила его внимание на белый кувшин начала тридцатых годов.

– Смотри. Какой чудесный белый кувшин!

– Да, правда, замечательный!

Никите так понравился этот кувшин, что он долго вокруг него вертелся, все не мог отойти, снова возвращался, любовался.

– Этот кувшин вкусный. Теплый. Вот, казалось бы – он просто белый, но он будет хорош в любом сочетании – на темном окне, рядом с зеленой глиняной миской. С букетом любых цветов. И форма у него классическая. Именно таким должен быть настоящий кувшин.

Грета была в восторге от Никиты. Она очень жалела, что никто не слышит, как он это говорит, и она уже представляла, как будет рассказывать Симоне о его чувстве цвета, формы, понимания подтекста. Он мог бы стать не только искусствоведом, но и сам писать. Может надо попробовать его учить живописи?

– Ну пойдем, Никит. К сожалению, это не выставка-продажа, так что прощайся со своим любимым кувшином.

– Да. Если бы у меня был такой кувшин...

– То что?

– Я бы налил в него вишневый компот.

Грета рассмеялась.

– Какой ты смешной, Никитка!

– Я смешной?

– Ты замечательный! – в голосе Греты звучала нежность.

* * *

– Грета, сколько стоил этот натюрморт? – спросила Симона.

– Какая разница!

– Нет, ну все-таки?

– Тысячу.

– Грета!

– Ну хорошо! Несколько тысяч. Мне скинули пару сотен.

– Несколько тысяч! Зачем ты это делаешь, я не пойму?

– Симона, мальчик очень талантливый!

– Хм...

– Да-да, не усмехайся. Талантливый, непосредственный, искренний! Ты бы видела, как он радуется! А ведь никто им не занимается. Пройдет еще пара лет – и он может все это утратить, огрубеть, а я хочу, чтоб он раскрылся!

– Но тебе это зачем?

Грета помолчала и сказала с грустью:

– Я сама не знаю.

19

Никита громко захлопнул дверь, бросил на пол рюкзак.

– Я пришел.

Немного подождав, он снова сказал:

– Я дома.

Тишина.

– Я дома. Я пришел. Но меня никто не ждет. Никому я не нужен. – Последнюю фразу он произнес по-театральному манерно и сам рассмеялся.

– Ну что ж. Может, это не так уж плохо. Может, это и к лучшему.

Он вспомнил, как однажды сказал эти же слова в какой-то совершенно незначительной ситуации – кажется, выставка закрывалась в шесть, а не в восемь, и у них с Гретой было меньше часа на то, чтобы быстро пробежаться по залам.

– Ну что, Никит, у нас меньше часа. Успеем или придем в другой раз?

– Я думаю, успеем.

– Давай попробуем. Как же я перепутала время? Мне казалось, что она до восьми!

– Может, это не так уж плохо. Может, это и к лучшему.

Потом они зашли выпить кофе, и Грета вернулась к этой фразе.

– Скажи, откуда у тебя эта фраза? Ты ее где-то вычитал или у кого то слышал?

– Не помню. Просто я так время от времени говорю.

– Ты знаешь, эти слова несут в себе большую философскую мудрость. И очень многие вещи благодаря им могут быть преодолены гораздо легче, чем без них. Так что ты вполне можешь сойти за мудреца, если будешь уместно пользоваться ими.

– Но все-таки, мне кажется, не я их придумал.

Грета от души рассмеялась.

– Никита, ну какой же ты правдивый и наивный! Конечно, не ты их придумал. Этой мудрости многие тысячи лет чужого опыта. Есть такая поговорка «нет худа без добра». Слышал? Это практически то же самое. Но твоя фраза звучит более элегантно, более емко. Говорящий эту фразу выглядит выигрышно. Что ты так смотришь? Не понятно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.